

Warnung
Bei Durchklettern des
Zaunes wird geschossen
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
В ПРОЛЕЗАЮЩИХ ЧЕРЕЗ
ЗАБОР БУДУТ СТРЕЛЯТЬ!

ДАВИД ГАЙ

ДЕСЯТЫЙ КРУГ

ЖИЗНЬ, БОРЬБА И ГИБЕЛЬ МИНСКОГО ГЕТТО

ДАВИД ГАЙ

ДЕСЯТЫЙ КРУГ

Жизнь, борьба и гибель Минского гетто

БОСТОН • 2025 • BOSTON

Давид Гай Десятый круг
Жизнь, борьба и гибель Минского гетто
Второе издание, дополненное

David Guy The Tenth Circle
Life, Struggle and Death of Minsk Ghetto
Second edition, enhanced

Copyright © 1990–2025 by David Guy

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-960533821

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

📄 www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Printed in the USA

*Памяти миллионов
невинных жертв фашизма*

ОТ АВТОРА

Повесть «Десятый круг» вышла в Москве отдельной книгой в самом начале 1991 года стотысячным тиражом. Судя по оценкам читателей, она вошла в список бестселлеров. По сути, стала первой, изданной в горбачевский период и рассказавшей то, что в СССР принято было замалчивать, и уж во всяком случае, широко не афишировать. Еврейские гетто оставались своего рода «белыми пятнами», население знало о них в самых общих чертах. Советская пропаганда тратила огромные усилия на борьбу с «тлетворным влиянием сионизма», Израиль подвергался всяческому осуждению — тема тотального уничтожения фашистами евреев не вписывалась в эту «борьбу».

В этом году мир отметит 80-летие окончания Второй мировой войны. Отметит по-разному. Выросли новые поколения, для которых Холокост и его последствия выглядят сугубой историей, изучать которую и познавать полезные уроки мало кто собирается. Для кого-то это неактуально, кто-то не хочет смотреть правде в глаза. Более того, отношение к евреям в мире резко ухудшилось, трагические события 7 октября 2023 года, когда ХАМАС напал на Израиль и совершил чудовищные преступления, включая захват заложников, не получили должного осуждения. Напротив, палестинские террористы получают широкую поддержку, в том числе с высокой трибуны ООН.

И я подумал о судьбе моей повести, посвящённой жизни, борьбе и гибели Минского гетто: минуло 35 лет после выхода её в свет, насколько актуальна она сегодня, когда антисемитизм свободно гуляет по планете? Ко мне обращаются живущие в Америке русскоговорящие читатели с просьбой помочь

достать мою книгу. Увы, я отвечаю отказом — лишних экземпляров у меня нет. Выяснилось, что и в России почти отсутствуют — во всяком случае, таковы данные крупнейшей сети продажи книг «Озон».

И созрело решение переиздать по-русски «Десятый круг», внося необходимые изменения, с учётом миновавших трёх с половиной десятилетий.

И вот эта книга на русском перед вами.

Она вобрала в себя голоса тех, кому выпала доля в минувшую войну пережить гетто. Пережить в прямом и переносном смысле. С большинством этих людей весьма преклонного возраста автору удалось встретиться и записать их рассказы. Некоторые ушли из жизни раньше, но, как правило, оставили свои воспоминания родственникам, детям с надеждой, что когда-нибудь кому-то понадобятся. И вот — понадобились. И ныне здравствующие, и уже умершие — для меня живые свидетели.

Малые печали словоохотливы, глубокая скорбь безмолвна — говорили ещё древние. Может быть, ещё и поэтому так долго шла к нам правда об этой странице войны. Как писать о том, во что сейчас, по прошествии стольких лет, новому поколению трудно поверить? Как писать о нечеловеческих муках и стойкости обречённых, о массовом уничтожении тысяч и сопротивлении сотен?

Едва начав знакомиться с историей Минского гетто — одного из самых больших на территории СССР, да и Европы, я твёрдо решил: опираться только на факты и документы, избегая всякой попытки беллетризации. Домысливать то, что происходило на самом деле и было страшнее любой самой кошмарной фантазии, показалось мне абсурдным и даже кощунственным.

Убийство — не новое явление на земле. Каинов грех сопровождает род человеческий испокон веков. Но двадцатый век породил убийство особого рода, именуемое геноцидом. Несколько геноцидов оставили свои зловещие следы в прошлом столетии. Армян уничтожали турки, евреев — гитлеровцы,

кхмеров — сами кхмеры. Погибли соответственно два, шесть и три миллиона человек.

При всей несхожести причин массовых злодеяний имелось в них и общее — с п л а н и р о в а н н о с т ь. Варварство вполне уживалось с ц и в и л и з о в а н н ы м и (как ни дико звучит) средствами уничтожения. Ятаган, газовая камера и мотыга успешно выполняли роль инструментов убийства. А задача была одна — стереть с лица земли целые народы, по крайней мере подавляющее число людей одной национальности. Впервые в истории появилась новая единица истребления — народ.

Один геноцид как бы передавал эстафету другому опирался на предшествующий опыт, черпал в нём силу и уверенность, оправдывал им пролитую кровь безвинных. На совещании в Оберзальцбурге в августе 1939-го накануне вторжения в Польшу Гитлер вопрошал: «Кто же сегодня ещё говорит об истреблении армян? Не надо обращать внимание на общественное мнение, нужно безжалостно убивать мужчин, женщин и детей...»

Единственное, над чем не властно время, — память. В этой повести память о гетто расщепилась на многие десятки человеческих свидетельств — прямых, бесхитростных и страшных. В гетто, как и в концлагерях, фашисты стремились довести людей до такого состояния, чтобы они едва могли различать добро и зло. Человек, по замыслу фашистов, превращался в животное, душа его должна была почти утратить способность проявлять нормальные чувства. Но и в такой ситуации люди (не все, но многие) оставались людьми, доказывая величие человеческого духа.

Рассказы узников минского гетто о проявлениях этого духа наиболее дороги мне. Память-скорбь, память-надежда, память-предостережение — вот чем наполнена повесть, которая, автор верит, будет воспринята читательским сердцем.

Если можно признать, что что бы то ни было важнее чувства человеколюбия, хоть на один час и хоть в каком-нибудь одном, исключительном случае, то нет преступления, которое нельзя было бы совершить над людьми, не считая себя виноватым

Л. Толстой

...Есть такие преступления, которые всегда и везде, по всевозможным законам, с начала мира считаются бесспорными преступлениями и будут считаться такими до тех пор, покамест человек останется человеком.

Ф. Достоевский

Они выползали на свет божий скрюченные, похожие на собственные тени, истерзанные безысходностью, но не расставшиеся с робкой, как пламя коптилки, надеждой. Они слепли от июльского солнца, прикрывая ладонями глаза, привыкшие к темноте подземелья. Они всё ещё не верили в своё избавление и потому не могли выражать радость, произносить простые человеческие слова.

Их осталось тринадцать — мужчин, женщин, детей, переживших гетто, почти девять месяцев скрывавшихся в яме, в пещере возле кладбища. Единственной возможностью спастись для них было добровольно сойти в землю, укрыться в ней, попросив у неё защиты и приюта.

Почти 260 суток они спали днём и бодрствовали ночью — так, им казалось, безопаснее, — дышали миазмами и пили тухлую воду, хоронили под нарами умерших и видели в снах хлеб и луковицу. После освобождения города их обнаружили не сразу, лишь через полсутки, а сами они уже не могли подать о себе весть.

Это были последние оставшиеся в живых узники гетто. Не считая, конечно, многих из тех, кто ушёл в партизаны, взял в руки оружие, превратившись из узников в мстителей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

И сказал Господь сатане: откуда ты приплёл?

Книга Иова

Я не вижу перед собой никаких классов и никаких сословий, но только общность людей, связанных единством крови.

Гитлер

Налёты вражеской авиации на Минск начались в первый день войны. Наши истребители пытались завязывать воздушные бои, зенитная артиллерия — преграждать путь «юнкерсам» с чёрными крестами.

24 июня город подвергся ожесточённой бомбардировке с самого утра. Бомбами были изрыты мостовые, обезображены дома, трамвайные рельсы висели плетьюми. Особенно пострадал центр.

В этот день удалось отправить десять эшелонов с эвакуированными. Только десять.

Не верилось, что все произошло столь стремительно и неотвратно. Ещё совсем недавно люди отметали мысли о близком начале войны, боролись со слухами (распространение их без тени сомнений объявлялось происками шпионов), читали оптимистические книжки, смотрели героические filmy, распевали бодрое, вселяющее незыблемую уверенность: «И на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом...» И вот теперь кровь лилась не на вражьей, а на нашей земле. «Если завтра война...» — так пели вчера, а сегодня война наступила.

На границе было беспокойно. Доходили сообщения о том, что творит немец на оккупированной территории, прежде

всего с польскими евреями. Об этом свидетельствовали и их письма родственникам в Белоруссию. Написанные в завуалированной форме, они тем не менее сеяли тревогу. Беженцы с запада тоже подтверждали мрачные предположения.

Верилось и не верилось, что такое возможно. А покуда люди, словно предчувствуя, что их ожидает, стали покидать Минск.

■ Полина Айзенштадт:

В воскресенье вместе с группой сдавала экзамен по истории средних веков — заканчивала второй курс пединститута. Сидим рано утром в аудитории, вытянули билеты, готовимся. Заходит преподаватель, что-то шепчет принимающему экзамен профессору Перцеву, тот начинает вызывать нас, почти не спрашивает и быстренько ставит отметки. Только отличные. Ни одной тройки и даже четвёрки. Так непохоже на него. В коридоре слышим — война!

...Это же ад крошечный! Дома без крыш, с порушенными стенами, внутри обгорелые трупы и крики, стоны, плач. Вечером нас грузят в машины у фабрики «Коммунарка». «Дай поддержку ребёнку, — это я сестре Риве, — а ты помоги маме взобраться». Всё, поехали. Стихийное бегство от бомбёжки, от огня.

Отъезжаем по Могилёвскому шоссе. На город смотреть страшно: на фоне тёмного неба кипящий огненный котёл. Доехали до военного городка, команда выгружаться. Нашли подводу — и в близлежащий совхоз. Переночевали — и снова в путь, по направлению к Дукорам. Дороги запружены, людей тьма-тьмушая, с чемоданами, узлами, котомками, у многих тележки, велосипеды. И опять бомбёжки. Разбегаемся кто куда, а возвращаясь, видим трупы... Ребёнок Ривы с нами, восьмимесячный. И почему-то вокруг уйма беременных.

На обочине старик еврей в калошах, небритый, всклокоченный.

— В Минске немцы, — бубнит он себе под нос — В Минске немцы.

— Вот и первого сумасшедшего встретили, — говорю сестре. — Как это немцы могут быть в Минске? Они не могут быть в Минске!

Останавливаемся на ночь в какой-то деревне. А наутро вижу немецких мотоциклистов, целую колонну. Едут, не глядя по сторонам, запылённые, сумрачные. И тут со мной происходит что-то. Столбняк нападает. Глазею на них и шевельнуться не могу. Вот они, враги, фашисты, в ста шагах, лица можно различить. Ни страха не испытываю, ни желания спрятаться, ни ненависти — ничегошеньки. Стою как вкопанная и смотрю. Сестра тормозит: «Поля, Поля!» Ничего не слышу и не вижу, кроме немцев. Прямо наваждение.

Дальше дороги не было, и мы вернулись в Минск.

ДОРА ШЕЙВЕХМАН:

Трасса Минск — Москва была сделана незадолго до войны, как будто специально, чтобы немцам была обеспечена хорошая дорога. По дороге шли пешком и ехали на лошадях люди. Плач, крики, стоны. Везли больных, стариков, детей. Стоял ужасный гул от самолётов. Моё положение усугублялось тем, что я была беременна.

Я увидела, что на однокопной телеге сидит, свесив ноги, доктор Рахманчик. Он вёз тяжелобольного офицера из клинического городка, что располагался на углу Подлесной улицы, где мы жили. Многие офицеры и бойцы шли в кальсонах. Они лечились в клиническом городке, а эта кутерьма наступила так стремительно, что им не успели выдать одежду...

Уйти далеко нам не удалось. Нас бомбили и обстреливали с воздуха, дороги впереди не было. Хотелось есть, а мы ничего с собой не взяли. Вместе с родственниками я решила возвращаться в город. Если доберусь до дома и он ещё не разрушен, думала я, то хоть там найду что-нибудь съестное.

Ходили слухи, что немцы уже в Минске.

Поднялась в свою квартиру и увидела: бедная наша кошка носится как угорелая. Такое творилось, что даже кошка безумствовала. Мы занимали в квартире одну большую комнату. Смотрю и не верю глазам: незнакомые мне молодая женщина

и мужчина вытаскивают в коридор шифоньер, а затем начинают вытаскивать сервант с посудой. Я их стала останавливать, они меня вытолкали с криком: «Тоже нашлась хозяйка. Теперь мы тут будем жить!» Ничего не дали взять с собой из еды и вещей.

Утром я снова решила пойти в свою комнату.

Она была пустая, новых жильцов не было. На стене в багетовой раме висел портрет моей мамы. Сняла его, сунула под мышку. По полу разбросаны книги, фотографии, везде хаос, как после погрома.

Нашла несколько сухих слив, завернула их в бумажку, хотела выйти, и вдруг из коридора шагнул немец с револьвером в руке. Откуда он взялся... Он моментально вырвал у меня портрет мамы, взглянул на него и с возгласом «Клара Цеткин!» рукояткой пистолета дал мне в челюсть так, что тут же вылетело два зуба. Я зажала окровавленный рот и пустилась бежать. Удивляюсь, как он вслед не выстрелил.

Роза Липская:

Надо же случиться: в середине июня застряла в командировке в Москве. Нет обратных билетов. Я и так и сяк, обиваю пороги — бесполезно. Наконец повезло: кто-то сдал билет в кассу, не поехал. Какая я была счастливая! 21 июня оказалась дома. В воскресенье торжественно открывалось Комсомольское озеро, я с семьёй решила побывать там. Побывала...

Феликсу три годика. Ухожу с ним из города. Транспорта нет. Возле Смиловичей встречаю сестру Ревекку. Муж её, шофёр, уже в армии, а она с тремя детьми мыкается по дорогам. Вместе всё-таки легче. И тут немцы высаживают десант, перерезая путь. Надо возвращаться в Минск, выхода нет. Но как? Везде гитлеровцы.

Неделю пережидаем в Смиловичах, практически без еды. Что удаётся найти из продуктов, детям отдаём. В те дни и погибает моя сестра вместе с ребёнком. Возвращаемся в Минск. От дома нашего (жили мы возле стадиона «Динамо») одни стены и головешки внутри.

Григорий Добин:

...Стою на крыле автомашины, держусь за борт (портфель с бумагами, не поверите, в зубах) и еду вместе со всеми неизвестно куда. Хотя почему же неизвестно, известно: хотим вырваться из немецкого кольца.

Машина принадлежит какому-то белостокскому институту. Набилось в кузов уйма народа, большинство, как я, на легкой, без вещей. А кругом светопреставление. На шоссе Белосток — Минск грузовики, легковушки, велосипеды и люди, люди, кто со скарбом, даже фикусы тянут, кто с пустыми руками...

Пытаюсь воспроизвести события последних дней. Выстраиваются они зловещей чередой: надвигалось неотвратимое, а я не придавал значения. Только я ли один...

По срочному заданию республиканской еврейской газеты «Октябрь» (я был её собкором) выехал в интернациональный колхоз Волковыского района собрать материал для очерка. А жил тогда в Белостоке. «Тогда» — потому что не ведаю, где теперь буду жить и вообще останусь ли жив. Уже повсюду говорили о тяжёлом положении на границе. Сын подбежал ко мне: «Папа, не уезжай, говорят, война начнётся на днях». Я накричал на него, чтобы не молол чепухи, а у самого, признать, кошки скребли на душе.

Узнал о начале войны 22-го на рассвете. Первым делом решил ехать в Белосток, к семье. Бросился на вокзал: билетов не продают, поезда не ходят, короче, добраться не на чем. Шёл пешком весь воскресный день, полдня 23-го. Насмотрелся: как бомбили, как гитлеровские самолёты за нами гонялись, поливая убегающих пулемётными очередями. Машина подвернулась, я на крыло прыгнул, за борт ухватился. Главное, портфель с бумагами не потерять.

Ехали, пока бензин не кончился. Опять пешком пришлось. Те, кто в машине, решили в соседней деревне остаться — бежать бессмысленно, да и некуда. А вы — еврей, говорят мне, вы попробуйте уйти, немец вас не пощадит.

С одной девушкой-еврейкой, она уборщицей в институте работала, направляемся на восток. Заходим в деревню, ноги

уже не идут, садимся передохнуть. В магазинчике дают нам мыло. Девушка говорит: пойду возьму ещё мыла. Ждал я её, так и не дождался.

Сколько шёл потом, не помню. Всё смешалось, спуталось, как в бреду. Кажется, везли меня на военной полуторке — части наши из окружения пытались выйти. Нарвались на немцев. Выскочили мы из полуторки и в лес побежали. Долго болотами выбирались. Видели, как танки со свастикой проходили.

Что с моими, успели эвакуироваться? Не хотелось думать о самом страшном, но думы сами собой в голову лезли.

Ближе к Минску увидел горящие поля. Или немцы хлеб подожгли при бомбёжках, или наши спалили, чтоб врагу не досталось. Вряд ли наши, не до того было. Ноги опухли, я снял ботинки и выбросил. Вошёл в Минск с западной стороны, через кирпичные заводы, босой и с палкой. Знал уже — в городе враг. На окраине города немцы втолкнули меня в колонну и погнали в лагерь Дрозды.

Израиль Лapidус:

Из Минска я уехал перед самым вступлением гитлеровцев, а вернулся в город в начале ноября. На то были свои причины.

Инструктор орготдела обкома партии, я помогал эвакуировать предприятия, население. С одним из эшелонов попал в Смоленск. Там и застрял.

Мучили мысли о семье, оставленной в Минске. Винил себя, что не отправил в тыл жену и ребёнка. И оправдывался перед собой — не мог этого сделать в ущерб выполнению неотложных заданий обкома. Да и жена, коммунистка, не позволила бы мне заниматься устройством личных дел — ни ради неё, ни ради нашего сына, семилетнего Альберта, ни даже ради ребёнка, которому предстояло появиться на свет через два месяца. Думал о семье, и комок к горлу подкатывал. Куда они могли податься, беспомощные, одинокие?..

Через Смоленский обком партии добился призыва в армию. Стал комиссаром артиллерийской батареи. Осень сорок

первого... Бои, бои. И отступление. В начале октября оказались мы в клещах под Вязьмой. Как могли сдерживали натиск врага.

Тот бой на всю жизнь запомнил. Горят вокруг подбитые фашистские танки, застилая поле смрадным дымом. Разбиты наши орудия, лежат на огневых позициях погибшие артиллеристы. Много раненых. Израсходованы последние противотанковые гранаты, на исходе патроны. Пытаюсь помочь раненому наводчику, и вдруг что-то меня обжигает, ослепляет, оглушает. Я долго падаю, падаю и никак не могу упасть. На этом всё обрывается.

Сколько пролежал, не помню. Прихожу в себя. Рядом — два немца, солдат и офицер. Разделяет нас вывернутый с корнем куст. Вижу, как шевелятся их губы, а речи не слышу. Контужен.

Через некоторое время слух возвращается. Я уже в лесу, и не один. Вокруг такие же окруженцы. Ясно одно — надо прорываться к своим. В группе нашей уже более сотни бойцов и командиров. Но пробиться сквозь кольцо окружения не удаётся. Теряем людей, и много.

Разбиваемся на маленькие группки. Для себя решаем: если не пробьёмся к своим, будем вести партизанскую войну против оккупантов. Такой путь борьбы указал Сталин в речи третьего июля. Где лучше партизанить? Конечно, там, где знаешь места и людей и где знают тебя.

В конце концов я повернул на Минск.

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Бродят Рахили, Хаимы, Лиц,
Как прокажённые, полуживые...*

И. Эренбург

...У меня открылись глаза на две опасности, имена которых я едва знал ранее и которые имели во всех случаях огромное значение для существования немецкого народа. Марксизм и еврейство.

Гитлер

С чего начали немцы? С того же, что в Польше, а затем повсюду, — с грабежей, насилия, расстрелов без всяких причин, просто так. Ну а к евреям особое отношение — расовые доктрины находили практическое применение.

Дом № 21 по улице Мясникова, густо заселённый (более трехсот жителей, много еврейских семей), утром 2 июля окружили. Мужчин, женщин, стариков, детей вывели во двор и поставили лицом к стене. Шесть часов держали под дулами винтовок и ручных пулемётов. Время от времени для вящей убедительности стреляли. Нет, покуда не убивали — пугали.

В квартирах шёл обыск — попросту говоря, неприкрытый грабёж. Забирали ценные вещи, одежду, бельё, одеяла, обувь, посуду и даже продукты питания: сахар, мёд, масло, какао, рис. Всё награбленное погрузили на два грузовика и увезли. На этом не кончилось. Ночью вернулись в еврейские квартиры. «Здесь оставались серебряные ложки. А тут мы видели кастрюли. А куда делся шёлк?» Если дверей не открывали, их взламывали.

На той же улице Мясникова находилась школа, окнами смотревшая во двор жилого дома. Расположившись в школе, нем-

цы нашли развлечение и забаву: на протяжении суток стреляли в окна квартир, то разбивая зеркала, то мебель, то попадая в живые мишени.

Так они начинали.

В первые июльские дни гитлеровцы заставили население города, всех от 15 до 50 лет, под страхом смерти явиться в концентрационный лагерь Дрозды под Минском. Сюда же согнали военнопленных. Скопилось там, по некоторым данным, 140 тысяч человек.

АННА КРАСНОПЕРКО:

По Советской, около Большого сквера, вели колонну военнопленных. И вдруг один из них, молодой, высокий, с забинтованной головой, запел: «Тучи над городом встали, в воздухе пахнет грозой». Песню подхватили. Зазвучала знакомая мелодия.

Что тут началось! Пальба, крики. Убитые на бульжной мостовой.

Пленные, согнанные в это тесное пространство, едва могут шевелиться и вынуждены отправлять естественные потребности там, где стоят... Военнопленные, проблема питания которых едва ли разрешима, живут по 6–8 дней без пищи, в состоянии животной апатии, вызванной голодом, и у них одно стремление — достать что-нибудь съестное...

По отношению к пленным единственно возможный язык слабой охраны, сутками несущей бессменную службу, — это язык огнестрельного оружия, которое она беспощадно применяет.

Из докладной записки министерального советника Дорша рейхслейтеру Розенбергу

БОРИС ХАЙМОВИЧ:

За что такие муки... Которые сутки без пищи, а главное, без воды. Рядышком речка, как раз за нашим полем, огоро-

женным канатом. Закрываю глаза и вижу одно и то же: с разбега плюхаюсь в прохладные воды Свислочи, ныряю, фыркаю, резовлюсь. И пью, пью, пью. Мираж, сводящий с ума.

Что удумали, гады... Предложили запастись пустыми бутылками, привязать их к палкам и в порядке очереди под охраной «удить» воду из реки. Разрешалось окунать бутылку не более трёх раз. Того, кто вставал в очередь повторно или не так «удил», ждал расстрел.

Поле в Дроздах — гигантский муравейник. Неверно сказал: муравьи-трудоюги снуют туда-сюда, вечно в движении, а нам запрещалось даже подниматься. Полулежали, полусидели, чуть зашевелишься — вполне можешь пулю схлопотать.

По углам лагерной территории поставили вышек с пулемётами. Ровно в шесть утра — перекрёстный огонь с вышек по лежащим. Подъём по-ихнему, значит. В десять вечера снова пулемётный огонь — отбой. После каждого подъёма и отбоя — сотни трупов.

Бесстрашные женщины пробирались к лагерю, бросались к канату, выкрикивали имена близких. Кто мужа искал, кто сына, кто родственника. Когда мы уже совсем доходили, разрешили немцы родственникам подкармливать заключённых. Еду приносили и — скрыто, в узелках — одежду, чтобы переодеться могли, в первую очередь военнопленные. Им-то несдобровать, а так имелся шанс среди гражданских затеряться. Не всегда еда до нас доходила — уголовники отнимали. Повышускали их фашисты из тюрьмы и тоже в Дрозды согнали.

Слух прошёл: какой-то пленный ночью махнул через канат, переплыл речку и убежал. Стреляли в него из пулемётов, да не попали. И мне с товарищем моим Евсеем Шнитманом хотелось попробовать уйти. Только сил не было, истощены, измучены. Да и куда? В Минске, говорили, полно каких-то особых частей — с серебристыми плетёными погонями, орлом на рукаве и буквами «СС». А ещё полевая жандармерия, полиция.

В один из дней подъехал автомобиль, оттуда в рупор объявили: военнопленные должны отделиться от гражданских.

Сортировка. Искали коммунистов, переодетых командиров Красной Армии. Невдалеке раздавались выстрелы. Я с Евсеем в «цивильном» лагере остался. На следующий день до нас очередь дошла. Снова, сортировка — на евреев и прочих. Окружили отсеянных евреев. Набралось нас тысяч десять — больше, меньше, поди сосчитай.

Явился комендант лагеря и такую речь держал. Немецким властям требуются еврей-специалисты: инженеры, врачи, юристы, учителя, артисты, и так далее. Короче, люди интеллигентных профессий. А также квалифицированные рабочие. Всех специалистов переписать и списки передать ему, коменданту. Кое-кто сразу засомневался: провокацией, чудовищным обманом попахивает. Около половины инженеров, врачей и прочих тем не менее записались. Мы с Евсеем тянули до последнего момента, потом посоветовались и решили записаться в рабочие.

Рабочих стали сгонять в одну колонну, служащих, то есть интеллигенцию, — в другую.

Помню, спрашивают у молодого красивого парня с чёрными волнистыми волосами: «Профессия?» — «Певец», — отвечает. Немцы как загогочут: «Певец? А ну пой! Пой, вонючий юдэ!» И автомат наставляют. И запел парень тенором, да так, что мы заслушались. На миг почудилось: нет ни лагеря, ни каната, ни запахов дерьма и мочи, ни фашистов, могущих тебя сию минуту расстрелять, есть мирная довоенная жизнь, сидишь себе у тарелки репродуктора или у приёмника и слушаешь концерт по заявкам.

Спел парень народную еврейскую песню «Михутёнесте майне» — «Сватья моя». Узнал я певца, узнал по голосу — Горелик. До войны по радио часто передавали его выступления. Минская знаменитость.

Немцы довольны остались: «Гут, зеер гут!» — и оттолкнули Горелика к рабочим.

А на рассвете понаехало гитлеровское начальство. Приказали построиться. Колонну служащих в машины стали запикивать. Три-четыре машины набьют битком и отъезжают. Минут через двадцать слышны пулемётные и автомат-

ные очереди. Возвращаются машины пустые, и снова погрузка...

Бедствовали узники «цивильного» лагеря, ещё горше евреям приходилось, но хуже участи военнопленных не было. Нас хоть немного подкармливали родственники, они же голодали жестоко, и помочь им не представлялось возможным. Иногда ночью, обманув бдительность часовых, они прокрадывались в еврейскую часть лагеря, и мы делились с ними последними крохами. Рискуя жизнью, некоторые отчаявшиеся нападали ночью на немецких лошадей, пасущихся в лагере. Убить и разделать животное не хватало ни сил, ни времени — того гляди часовые могли застукать. Оглушив, языки у живых лошадей вырезали.

Довели фашисты живых людей до скотского состояния. И тут начали записывать на службу к немцам. Нашлись такие, кто завербовался. Их пайком обеспечили, новым обмундированием и перевели в лагерь по соседству, где они отдыхали, отъедались на виду у своих бывших товарищей. Многие же военнопленные решили измене, предательству смерть предпочесть.

Вскоре нас, евреев-рабочих, под конвоем в тюрьму повели. Кончились наши Дрозды...

ЕФИМ ФЕЙГЕЛЬМАН:

Какой же я по счёту в длиннющей шеренге? Если бы к краю стоял поближе, можно было сосчитать, а я в самой серёдке. Начал считать немец в очках, на бухгалтера похож или провизора. Дойдёт до десятого, будто ворон каркнет — «центр», и тотчас вытягивают того из строя. А немец счёт продолжает, идя вдоль шеренги. Опять до десятого доходит, и нового несчастного тянут. Скоро и до меня дойдёт... Пронесло, шестым оказался.

А началось с глупости, чепухи: якобы у их офицера украли зубную щётку, мыло и полотенце. Выстроили нас в тюремном дворе, куда перевели из лагеря. Кто украл? Думаю про себя: ну кому, скажите на милость, понадобилась эта злосчастная щётка? Что, вор на глазах у всех умываться будет с мылом

и полотенечком? Загнали нас в камеры, голодных, грязных, измученных, человек по тридцать в каждую, на всех одна параша, вонь хуже чем в Дроздах — там хоть на открытом воздухе по нужде ходили. Полотенечко... Врут немцы, повод ищут, чтобы ещё больше над нами поизгаляться.

«Кто украл?» — опять спрашивают. Все молчат. Тогда начали отсчитывать каждого десятого и тут же на глазах расстреливать.

«Кто украл?» — повторяют. Молчим. Тогда новый счёт: «нойнтер» — каждый девятый. Потом «ахтер» — каждый восьмой.

Милостивой судьба ко мне оказалась, жив остался. Но что пережил — о том не берусь рассказать. Слов таких нет у меня.

...Нескольких часов не хватило мне, чтобы уехать из Минска. Перед войной был на партийной работе в Западной Белоруссии, налаживал там советскую власть. С 22 июня участвовал в организации эвакуации. И так все дни до прихода фашистов. А жену с сыном, семьи четырёх сестёр не вывез и сам застрял. Живя близко к польской границе, я-то лучше других знал: евреям при немцах надеяться не на что. Вот и первые подтверждения: сначала интеллигенцию в Дроздах уничтожили — тех, кто по незнанию и наивности правду о себе решил сказать, теперь за фахарбайтеров принялись, за рабочих, значит.

Родственники прознали, что мы в тюрьме (беспроволочный телеграф быстро сработал), понесли передачи. Немцы принимали еду без ограничения, бросали и сливали в грязные бачки, перемешивали и кормили нас. Пища прокисала, портилась, начались кишечные заболевания.

Ежедневно выгоняли нас на «прогулки». На каждом лестничном пролёте эсэсовец стоял с палкой и бил каждого проходившего, приговаривая: «Шнель, ферфлюхте швайн!» Во дворе ожидал коридор из эсэсовцев, через который мы пробегали со сложенными на голове руками под градом палочных ударов. К концу экзекуции палки у немцев превраща-

лись в мочала. Многие с таких «прогулок» в камеры не возвращались...

Так продолжалось с неделю, пока нас из тюрьмы не выпустили.

Документ ПС-710
Берлин, 3 июля 1941 г.

*Рейхсмаршал
великой германской империи
Уполномоченный по четырехлетнему плану
Председатель Совета министров
по обороне империи*

***Начальнику полиции безопасности и СД
группенфюреру СС Гейдриху***

В дополнение к уже переданному вам с приказом от 24 января 1939 г. заданию осуществить решение еврейского вопроса в форме... наиболее подходящей для современных условий, настоящим поручаю вам провести всю необходимую подготовку в организационном, деловом и материально-техническом отношении для решения еврейского вопроса в целом на территории Европы, подвластной Германии. Поскольку при этом затрагивается компетенция других центральных учреждений, последние должны принимать участие.

Поручаю вам, далее, в ближайшее время представить мне общий проект подготовительных организационных, деловых и материально-технических мероприятий для проведения намечаемого окончательного решения еврейского вопроса.

Геринг

9 июля в самых людных местах Минска был вывешен приказ полевого коменданта о создании гетто.

ПРИКАЗ О СОЗДАНИИ ЕВРЕЙСКОГО РАЙОНА В ГОРОДЕ МИНСКЕ

1

Начиная со дня издания настоящего приказа, в городе Минске выделяется особый район, в котором должны проживать исключительно евреи.

2

Все евреи — жители города Минска обязаны после опубликования настоящего приказа в течение 5 дней переселиться в еврейский район. Евреи, которые по истечении этого срока будут обнаружены в нееврейском районе, будут арестованы и строжайше наказаны. Неевреи, проживающие в пределах еврейского района, обязаны немедленно покинуть еврейский район.

3

Разрешается брать с собой домашнее имущество. Кто будет уличён в присвоении чужого имущества или грабеже, подлежит расстрелу.

4

Еврейский район ограничивается следующими улицами: Колхозный переулок до Колхозной улицы, далее вдоль реки до улицы Немига, исключая православную церковь, до Республиканской улицы с прилегающими улицами: Шорная, Коллекторная, Мебельный пер., Перекопская, Низовая, еврейское кладбище, Абутковая, 2-й Апанский пер., Заславская улица до Колхозного переулка.

5

Еврейский район, сразу же после переселения, должен быть отгорожен от города каменной стеной. Построить эту стену обязаны жители еврейского района, используя для этой цели в качестве строительного материала камни нежилых или разрушенных зданий.

6

Евреям из рабочих колонн запрещается пребывание вне еврейского района. Означенные колонны могут выходить за пределы своего района исключительно по специальным пропускам на определённые рабочие места, распределяемые Минской городской управой. Нарушение этого приказа карается расстрелом.

7

Евреям разрешается входить в еврейский район и выходить из него только по двум улицам — Апанской и Островской. Перелезть через ограду воспрещается. Немецкой страже и охране порядка приказано стрелять в нарушителей этого пункта.

8

В еврейский район могут входить только евреи и лица, принадлежащие к немецким воинским частям, а также к Минской городской управе, и то лишь по служебным делам.

9

На юденрат возлагается заём в размере 30 000 червонцев на расходы, связанные с переселением из одного района в другой. Означенная сумма, процентные отчисления с каковой будут определены позднее, должна быть внесена в течение 12 часов после издания настоящего приказа в кассу городской управы (ул. Карла Маркса, 28). *(Улица эта к тому времени ещё не была переименована оккупантами — Д.Г.)*

10

Юденрат должен немедленно представить жилищному отделу городской управы заявку на квартиры, которые евреи оставляют в нееврейском районе и которые ещё не заняты арийскими (иеврейскими) жильцами.

11

Порядок в еврейском районе будет поддерживаться особыми еврейскими отрядами порядка (специальный приказ об этом будет своевременно издан).

12

За переселение всех евреев в свой район несёт полную ответственность юденрат города Минска. Всякое уклонение от выполнения настоящего приказа будет строжайше наказано.

Не успели ознакомиться с этим приказом, появился новый — о жёлтой «заплате» (её сразу стали называть по-белорусски — «латой»). Указывался размер (десять сантиметров в диаметре, не больше не меньше, — немецкий пунктуализм)

и место, на которое она должна быть нашита, — левая сторона груди и спины. В конце: «За неисполнение приказа — смертная казнь».

Обитатели гетто получили, таким образом, свой опознавательный знак. Наличие его, равно как и отсутствие, могло повлечь за собой гибель, немедленную или отсроченную.

Приказы вызвали шок, оцепенение. Люди прятались. Гитлеровцы рыскали по улицам, домам, ловили тех, кто вписывался в их представления о семитской расе. Однажды к комендантуре привели группу лиц с «соответствующими физиономиями» и вымазали жёлтой краской. Одновременно шла регистрация еврейского населения.

И потянулись толпы в район гетто. Туда шли евреи, оттуда, навстречу им, белорусы, русские, татары... Шли со скарбом, несли то, что можно было унести. Скорбные караваны тащились навстречу друг другу с утра и до позднего вечера. Повезло, если позволительно так сказать, евреям, и раньше жившим на территории, отведённой под гетто, — им не надо было трогаться с места. К ним подселяли прибывающих, уплотняли, спрессовывали людей, стараясь максимально использовать каждый метр жилой площади.

И приказы, приказы, приказы. Они появлялись в городе по несколько раз в день. «Все трудоспособные мужчины обязаны регулярно отмечаться в юденрате и оттуда колоннами в сопровождении охраны отправляться на работу». «Все обязаны внести деньги на сооружение стены вокруг гетто». «Все обязаны сдать ценности: золото, серебро, а также радиоприёмники, музыкальные инструменты». Рождалась видимость порядка. Немецкого порядка.

Понемногу стали собираться у юденрата. Где ещё сходить-ся жаждущим обменяться новостями, послушать людей? Особо ценились сведения с железной дороги. Очевидцы, которых гоняли туда на работу, рассказывали: много эшелонов с немецкими ранеными идут на запад. Скоро Красная Армия даст фашистам прикурить. Кто-то божился, что видел собственными глазами: к хлебозаводу подъехала машина с солдатами в немецкой форме, они нагрузили её доверху, раздали буханки стоящим рядом евреям, сказали на чистом русском: «Не падайте духом, скоро будете свободны». Ах, как хотелось в это верить!

Здание Юденрата

Минуло пять дней, отпущенных на переселение, а ему и конца-края не виделось. За деньги юденрату удалось продлить срок. Люди сами тащили узлы, чемоданы, баулы — не было ни подвод, ни лошадей. Гетто всё больше разбухало, в маленьких домишках был на счету каждый свободный метр.

Скоро, совсем скоро здесь окажутся все евреи Минска, потом к ним добавятся согнанные из близлежащих местечек, потом придут евреи из Германии (их станут называть «гамбургскими»). На небольшом кусочке земли скопится сто тысяч изгоев, и для них начнётся отсчёт уже другого времени.

Правда, среди евреев находились и такие, кто не хотел жить в гетто. И немало. Но судьба неумолимо толкала их к собраниям по несчастью.

■ Белла Пруслина:

Когда у тебя на руках двое малюток, годовалая девочка и шестилетний мальчик, первый вопрос: чем их кормить? Нам не удалось далеко уйти от Минска. Вернувшись домой после бомбёжек и обстрелов с самолётов, после всего этого ужаса, я нашла свою комнату пустой. У нас не было абсолютно ничего, не было даже чем укрываться. Мы ходили по домам, нищенствовали, и я спрашивала себя: боже, со мной ли это происходит?

Идти в гетто я не хотела. Не могла себе представить, как смогу жить взаперти, в положении раба, чем буду кормить детей. Здесь, в городе, есть хорошие знакомые, они не чураются меня, помогают чем могут. А что будет там?

Однако нашлись и иные соседи. Выбили у нас стёкла, однажды в наше отсутствие набезобразничали, нагадили в комнате, делали всё, чтобы мы ушли. В конце концов нас кто-то выдал. В комнату вошёл полицейский, разговаривавший на смеси немецкого и польского, и начал допрашивать, почему я нахожусь в чужом районе.

— Ты ведь жидовка?

— Да, но у меня муж русский.

Было так тяжело на душе, что весь страх пропал. Его удивило моё спокойствие.

— С кем ты живёшь? — спросил он.

Я указала ему на девочку, сидевшую на полу, позвала мальчика.

— Мне собираться?

Он ничего не ответил и всё смотрел на меня.

— Почему ты не идёшь в гетто?

— А что мне там делать? Умирать с голоду? Если погибать, то можно и здесь, мне всё равно.

Он покрутился по комнате, вдруг резко повернулся ко мне:

— Живи тут.

Когда я спросила, что он имеет в виду, полицейский злобно выкрикнул: «Лебен зи хир!» («Живите здесь!») — и вышел.

Ко мне несколько раз приходили из домоуправления, требовали документы, на основании которых я живу здесь. Мне нечего было им показать.

— Или хлопочи об аусвайсе, или уходи.

И я ушла в Комаровку, к моим бывшим соседям Барсукам. Белорусы, они сами перебивались кое-как, голодали и всё же помогали, делились последним куском. Такие это были люди...

Я не сидела дома, кружила с детьми по городу. Оттуда, где нас принимали, сын не хотел уходить, капризничал:

— Мама, почему мы уходим? Нас же не прогоняют!

Он ещё не понимал, в каком положении мы находимся.

Однажды, когда мы с Леной Барсук пекли на кухне картошку, раздался сильный стук в дверь. У меня сердце оборвалось. Накинула на себя платок, повязалась так, чтобы во мне не узнали еврейку. В комнату вошёл хорошо одетый человек средних лет. Увидев его, Лена незаметно ущипнула меня. Я всё поняла. По её рассказам, рядом живёт неприятный тип, немецкий холуй, его надо опасаться. Это он и был. Непрошенный гость походил по комнатам, будто искал что-то, вернулся на кухню и начал потирать руки:

— Ох и погрелся я сегодня!

— Что это значит? — спросила Лена.

— В Пуховичах помогал евреев ловить.

Он пробыл недолго, на прощание сказал:

— Живём дом к дому, дай, думаю, зайду посмотрю, кто же здесь обитает — И при этом странно посмотрел на меня.

Положение стало невыносимым. Я решила оставить у кого-нибудь детей: пусть хоть они выживут а я уйду в гетто. К тому времени уже знала, что там находятся мой брат Мотя и сестра Ася.

Мой мальчик не был похож на еврея, и я отдала его в бело-русскую семью Яциновичей. Когда я собирала его вещички, мальчик, видимо, всё понял и разрыдался. Позже мне рассказывали, как он приставал к хозяйке с расспросами:

— Тётя Маруся, почему мама не приходит?

Пришлось ей выдумать историю о том, что руины дома рухнули и убили меня. Когда становилось тревожно, он говорил им:

— Не беспокойтесь, я скажу так, как меня учили: маму убили, папа пропал на войне.

Годовалая девочка постоянно плакала, страдала от голода, заболела, начался понос, головку она совсем не держала, становилась всё слабее и без конца просила. «Дай, дай». Мне советовали подбросить её.

С трудом я решилась на это. Я слышала, многие евреи выносят детей из гетто, оставляют их на улице, и благодаря нашим людям, работающим в городской управе, этих детей забирают в детдом. Но как это сделать? Днём могут увидеть, ночью девочка замёрзнет. От этой картины у меня стыла кровь.

Выхода не было.

До войны в бухгалтерии завода имени Кирова работали две русские девушки. Они хорошо ко мне относились. Я учила их бухгалтерскому учёту. Бродя из дома в дом как побирuşка, я столкнулась с одной из них. Рассказала ей, что хочу оставить Дину. Та расплакалась, начала отговаривать.

— Как вы можете бросить родное дитя?

— Аня, ты знаешь меня, знаешь, какая я была мать Меня ведь убьют, пусть хоть она останется в живых

Я начала просить её помочь, она отнекивалась, говорила, что одна не сможет. Я ухватилась за соломинку: «Ты только не отказывайся, я найду кого-нибудь».

Начала расспрашивать о другой девушке, Наде. Она дала мне её адрес. Я тут же пошла к Наде и рассказала ей обо всём. Она согласилась помочь.

Назавтра мы собрались у Ани. И надо же случиться, что в это время к Ане приехала на подводе её мать, направлявшаяся в деревню выменять вещи на продукты. С ней ехал один мой знакомый, тоже раньше работавший на заводе имени Кирова.

Узнав о том, что мы задумали, мать Ани велела положить девочку на подводу, а самим уйти. Я дала девочке кусок хлеба в руки, чтобы она не плакала, а в кармашек положила записку о том, что её зовут Нина Лепчикова.

Уйти далеко не было сил. Зашла за угол и стала ждать. Женщина пошла в ближайший полицейский участок, заявила, что ей подбросили ребёнка, и показала записку. Пришли двое полицейских и забрали ребёнка. Аня и Надя находились во дворе и делали вид, что эта история их не касается. Их полицаи и заставили отнести ребёнка в детский дом, дав направление из Управы.

А я пошла в гетто.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

*Нет огня в очаге.
Нет дыма
Над крышей.
Нет времени жить.
Нет времени умирать.*

Фолькер фон Тёрне
(перевод А. Богомолова)

*Кто виноват в том, что кошка жрёт мышь, мышь,
которая ни одной кошке не сделала никакого зла? Мы
не знаем, в чем смысл этого, но мы хотим видеть ев-
рейский народ в состоянии разгрома.*

Гитлер

Один неотвязный вопрос мучил меня всё время, пока я собирал свидетельства живых. Он не давал покоя, тиранил вновь и вновь. Зачем они шли? Зачем они шли в гетто? Не лучше ли было рассыпаться, разлететься, скрыться в пуще, связаться с партизанами (должны же они были существовать) или пробиться через линию фронта к своим?. И чем сильнее одолевали меня докучливые мысли, тем понятнее становилось, выхода у них не было. Всё было predetermined, и потому люди эти не подвластны ничьему суду.

Итак, почему они — в большинстве женщины, дети, старики — шли в гетто? Далеко не все понимали его сущность, многие питали иллюзии, надежды. Вместе, сообщая, им казалось, легче пережить голод, болезни, смерть близких. И в этом они были правы. Кто кинет в них камень, кто посмеет осудить безоружных? Тогда они ещё не знали, что поставлена поистине дьявольская цель — уничтожить весь народ. Весь, без остатка. Скрыться в лесах, пробиться через линию фронта? Пробова-

ли. Гибли в пути от пуль, голода. Несколько подростков пятнадцати-семнадцати лет в первые же дни ушли из гетто, лесами, болотами, просёлками добрались до Смоленска и не смогли пересечь линию фронта. Слишком ожесточённые развернулись бои. Подростки вернулись назад.

Переодевшись в деревенское, в лаптях отправился в Узденский район Кравчинский, тот самый, о ком шёпотом говорили в Дроздах, что он ночью под пулемётами убежал из лагеря, переплыл речку и скрылся. Отправился туда, где, по слухам, находились партизаны и разрозненные красноармейские части. Десяток яиц, предусмотрительно взятых с собой, помог ему доехать до Лошиц на попутной машине. Но в лесах он никого не нашёл и тоже вернулся в гетто.

Время организованных уходов в партизаны наступило несколько позже

Обитатели гетто зажили своей особой, ни на что не похожей, казавшейся немислимой и однако вполне реальной жизнью.

Еврейский район обтянули колючей проволокой в пять рядов. Ни о какой каменной стене речь уже не шла. Выход из-за проволоки карался расстрелом. Общение с городским населением тоже. Любая торговля, покупка продуктов в городе — тоже расстрел. Не разрешалось ходить по тротуарам — толь-

ко по мостовым. Запрещалось пользоваться общественным транспортом, посещать театры, музеи, библиотеки и прочие культурные учреждения.

Однако и за проволоку выходили (охрана на первых порах была менее бдительной), и в городе меняли вещи на продукты (не умирать же голодной смертью) и с русскими, белорусскими друзьями и знакомыми встречались, непременно вспоминая, как жили до войны дружной интернациональной семьёй, не ощущая ни малейшей взаимной вражды или антагонизма. Всё это с риском для жизни.

В семье рабочего Черно было четверо маленьких детей. Жена Черно Анна, не вынеся голодных ребячьих глаз, пошла в город к знакомым просить помощи. На обратном пути её остановили полицейские, отобрали продукты, повели в тюрьму и там расстреляли.

Такая же участь постигла Розу Таубкину, которая вышла за проволоку, чтобы встретиться с русскими родственниками мужа.

Действовал юденрат, насчитывавший шесть отделов: труда, снабжения, опеки, паспортный, пожарный и службу охраны порядка. Подобран был штат юденрата, очевидно, привычным для немцев способом. На улицах (ещё до окончательного переселения в гетто) поймали несколько евреев мужчин, привели в комендатуру и объявили им, что отныне они представляют еврейский комитет, обязанность которого — беспрекословно выполнять все распоряжения властей. За малейшую провинность — расстрел.

Председателем юденрата стал Илья Мушкин — в наказание себе за допущенную оплошность, дал понять офицеру комендатуры, что немного знает немецкий. На глазах поседел, сгорбился Мушкин, стал отворачиваться от соболезующих, а чаще негодующих взглядов.

Каждое утро из ворот гетто отправлялись в город колонны людей. Использовали их на самых тяжёлых работах, в основном на разгрузке и погрузке. Дневная плата — похлёбка и сто граммов хлеба. Кто не работал, а таких в гетто было немало (старики, пожилые женщины, дети), не получал ничего. Не-

сколько сотен фахарбайтеров—рабочих, уцелевших после бойни в Дроздах, объединили в мастерские. Их труд пока был нужен, потому кормили их лучше остальных. Хотя понятия «лучше» и «хуже» выглядели весьма относительно.

Местным рабочим нееврейского происхождения выдавались специально выпущенные оккупационные марки. Неквалифицированные рабочие и служащие получали в месяц 25–30 марок, квалифицированные—40–50, мастера—60. А тарелка борща стоила три с половиной марки, яйцо—пять марок, сто граммов колбасы—десять. Существовали и плохо отовариваемые карточки. Евреи же не имели и такой мизерной оплаты.

Но всё это ещё можно было пережить. Совсем иное началось в августовские дни. Ночные нападения на дома яснее ясного показали, что ждёт гетто. По сравнению с этим всё прочее переставало иметь какое-либо значение.

Крики «Спасите!» будили по ночам и без того тревожно спавшее гетто. Немцы и полицейские (украинский и латышский батальоны, позже к ним присоединился литовский; хватало и прочей нечисти) врываются в дома. Кровь будоражила кровь, требовала новой крови.

Наутро ползли слухи, которым разум отказывался верить. В квартиру врача Эсфирь Марголиной вломилась банда, зверски избила всех, а двоих застрелила. Над семьёй Каплан долго измывались, отцу выкололи глаза, дочери отрезали уши. В другом доме, где жили молодые женщины, жёны командиров Красной Армии, полицейские устроили оргию. Заставили женщин раздеться догола и плясать на столе, потом изнасиловали и искромсали ножами. И грабежи, грабежи...

Верить приходилось, ибо зверства стали совершаться и днём, на глазах у многих. Чаще всего это происходило на улицах и в переулках, примыкавших к ограждающей гетто проволоке, — «гостям» так было сподручнее. Люди правдами и неправдами стали перебираться в середину гетто, подальше от проволоки.

Но случалось, что безоружные давали отпор вооружённым. Да и полицейские попадались разные.

Борис Хаймович:

Однажды в наш дом по Зелёному переулку ввалились двое, один в красноармейской форме без петлиц и с винтовкой, другой в гражданском с повязкой полицейского на рукаве, без оружия. Ставят нас к стенке. «Красноармеец» загоняет патрон в канал ствола и выкрикивает: «Гельд, гольд, зильбер, ур!» А полицай переводит: «Немедленно сдать деньги, золото, серебро, часы, а иначе вам всем хана».

Я отвечаю: мы беженцы, ценностей у нас нет. Тогда «красноармеец» стреляет поверх голов и повторяет своё требование. Я снова отвечаю — ничего нет. Во мне всё кипит от ненависти. Вооружённый вновь заряжает винтовку и концом ствола бьёт меня в живот. От боли перехватывает дыхание. Инстинктивно хватаюсь за ствол, отвожу дуло вбок и тяну винтовку к себе. «Красноармеец» теряется,

лепечет по-украински: «Пусты!» Я ему: «Сопляк, я сейчас научу тебя, как стрелять!» — «Дяденька, пусты, я больше не буду, я уйду».

Убей я его, и враги уничтожат всех жильцов дома, весь переулок. И я выпускаю ствол. Предатели сматываются.

Через день опять входят в дом, на сей раз два полицая. Начинается обыск, я не выдерживаю и заговариваю с одним:

— Как тебе не стыдно? Ты здесь грабишь нас, а где-то у тебя на родине такие же, как ты, грабят твоих родителей!

Смотрю: топчутся на месте, поворачиваются — и вон из дома. Видно, не всю ещё совесть потеряли.

14 августа разнеслось: ловят мужчин. Операцию проводили гестаповцы. Окружив часть гетто, они вламывались в квартиры с одним словом на устах — «меннер!».

Облавы повторились 26 и 31 августа. Всех пойманных погрузили на машины, отвезли на Юбилейную площадь, оттуда в тюрьму и там расстреляли.

По некоторым сведениям, погибло около пяти тысяч человек.

■ АРОН ФИТЕРСОН:

Одной ногой я уже на чердаке, где обычно спасаюсь от облав, а второй едва в могиле не оказываюсь. Поздно услышал шум мотора и не успел. Что прикажете делать, если на раздумья считанные секунды? Жена не теряет, стаскивает с меня обувь, укладывает в постель и на голову пузырь с водой — вроде я болен. И тут же врываются два немца.

— Больной? — спрашивает один.

— Больной, — отвечает жена.

— Что у него?

— Почки.

— Зачем же на голове пузырь? — И вынимает пистолет из кобуры.

Дети плачут, жена бросается к нему, снимает часики и суёт.

— Но-но! — кричит на неё немец, не хочет вроде брать. Потом прячет пистолет, делает знак второму — пошли, мол. Тот выходит. Немец с пистолетом немного задерживается, закладывает руки за спину и тоже уходит, будто не замечая, что жена всовывает ему часики.

В последний день августа ловили молодых женщин. Кто попадётся, без разбору.

■ **Софья Гродайс:**

Пройдёт или не пройдёт мимо? Длинный, сутулый, губы тонкие, ниточкой, плотно сжаты, отчего продолговатое вытянутое лицо кажется ещё злее. Как флюгер, вертит головой по сторонам, впереется взглядом прямо в меня (я от щели в занавеске аж отпрянула) и медленным уверенным шагом движется к крыльцу. Не бежит, как другие, а именно движется, всем видом показывая, если кто в доме есть, от него не скроется. А у нас все попрятались, одна я осталась и дочка Лиля, трёх с половиной годочков.

Куда деваться? Внутри заглодела вся, а ко лбу и щекам, наоборот, что-то тёплое прихлынуло. Когда опасность наступает, я лучше соображать начинаю. Не то чтобы лучше, а быстрее. И возможности отыскиваю невероятные, потом сама дивлюсь на себя. Тихонько, без скрипа растворяю окно: пускай думает, что через него убежала. А сама мигом в кровать, под перину, распластываюсь, вжимаюсь в пружины.

Слышу, входит. У дочки спрашивает: «Где твоя мать?» Лилия, умница, говорит «В окно убежала». Дети, они в гетто быстро соображать учатся. Немец кладёт руку на кровать, чувствую её тяжесть. Ну, думаю, пропала. Он ругается и выходит.

■ **Дора Шейвехман:**

С самого начала я решила бежать из гетто. Когда очередным утром нас повели на работу, я смогла уйти в близлежащий лес. Ушли со мной ещё несколько женщин. В лесу встре-

тилась со своей знакомой Быковой. Она не была в гетто, но тоже скиталась. 10 сентября я родила дочку. Быкова, старая опытная женщина, принимала у меня роды, перекусила пуповину зубами.

Но через несколько дней всё равно пришлось вернуться в гетто. Ведь там можно было найти хоть какую-то еду.

...Однажды нас выгнали на улицу. Людей видимо-невидимо. Начало темнеть. Повалил снег. Я была в шерстяном платке. Надела его на голову, завязала крест-накрест узлом на спине, а на груди под платком спрятала девочку. Как она ещё жила., не знаю.

Нас повели. Долго ли шли, не помню, страх все спутал. Подвели к еврейскому кладбищу в конце Сухой улицы. Я поняла, что ведут на расстрел.

Нас построили, и тут началась стрельба. Люди заметались как мыши. Вопли, визг, плач. Какое-то безумие. Тут меня мгновенно осенило. Вспомнила рассказ из детской книжки, как охотник упал, притворился мёртвым, и медведь его не тронул. Я так и сделала.

Когда совсем стемнело, стрелять перестали, крики и стоны немного стихли. Смотрю — дитя живое.

АННА КРАСНОПЕРКО:

Асю Воробейчик и меня схватили во время облавы. Налёт, как всегда, неожиданный, внезапный. Бросили в машину, повезли. Куда везут? На тот свет? Крепко держимся за руки. Не раз договаривались с ней: если поведут на расстрел, либо падать, либо бежать.

Привезли нас быстро. Выгрузили, пересчитали. Осматриваемся и видим: мы во дворе Дома правительства. Когда-то говорили, что архитектор, по чьему проекту построено это здание, был им недоволен. Считал, что дом некрасив. Мы и раньше не разделяли это мнение. А теперь глядим не наглядимся.

Но спохватываемся. Теперь в нём они, звери. Такие, как этот, большой, с рыжими глазами. Он стоит перед нами,

помахивая плетью. Потом подзывает меня с Асей и что-то приказывает. Мы не понимаем. Он кричит, хлещет плетью у наших ног. Мы пугаемся. Он смеётся. Потом показывает на рулон рубероида, лежащий на земле. Догадываемся — приказывает поднять его. Ничего не получается. Немец хлещет плетью по рукам. Вздываются кровавые полосы, ужасная боль. Что делать? Как же мы, две слабые девчонки, можем поднять такую огромную тяжесть?

Я берусь спереди и пробую взвалить проклятый рулон на плечи. Ася пытается поднять сзади. Рулон не поддаётся.

Слышу пронзительный крик, оглядываюсь — Ася лежит с окровавленным лицом. Бросаюсь к ней.

— Zuruck! (Назад!)

Я всё же подбегаю к подруге.

— Он меня... плетью по голове...

Я вызволяю Асю из-под рулона. Её сводят судороги. Она поднимает на меня светлые глаза. Мы прижимаемся друг к другу. Снова свистит плетью..

С этой поры Ася заболела падучей.

Быт гетто складывается из сотен мелочей, он чрезвычайно чутко к моментально меняющейся обстановке. После августовских облав начинается повсюду сооружение потайных убежищ — «малин», как их здесь называют. «Малины» гарантируют сохранение жизни, и потому люди исхитряются как могут. Фантазия их не знает предела.

Одни строят тайник в чуланах, на чердаках, маскируя их всевозможными способами. Другие роют норы в погребках. Некоторые делают двойные стены. «Малины» прячут одну-две семьи, иногда больше. Местонахождение их тщательно скрывается. От сохранения тайны зависит многое, если не все. Это сознают даже дети.

Немцы и полицаи, вламываясь в пустые квартиры, неистовствуют, но редко находят убежища.

А беда подстерегает со всех сторон. Иногда она приходит оттуда, откуда её никак не ждали.

АННА МАЧИЗ:

Такое моё счастье: в один день натолкнулась на обоих.

Серебрянский вынырнул из-за угла вместе со своими подручными и вырос передо мной. Бежать было поздно. Я обмерла. Хотя и знала, что он в гетто и такая встреча может произойти, внутренне оказалась к ней не готова. Естественно, не подала виду, что знаю его. Он тоже вздрогнул и отвернулся.

Зяма Серебрянский когда-то до войны жил недалеко от нас, наши матери были знакомы. И надо же случиться: я, следователь Прокуратуры Белоруссии, участвовала в процессе над ним и над его братом. Речь шла о растрате государственных денег. Братья пытались через мою маму уговорить меня помочь им избежать суда. Из этого, разумеется, ничего не вышло.

Освободился Серебрянский после отбытия наказания за пять дней до начала войны. В гетто он командовал еврейской службой охраны порядка. По малейшему поводу переходил на крик, размахивал палкой или плёткой — оружия ему и его «оперативникам» не полагалось. И вот ему-то я, бывший следователь, попалась на глаза.

Ладно бы этим день кончился. Так нет же. Увидел меня во дворе дома ещё один тип, мною ранее судимый, и тоже за растрату, — кассир Монисов. Его я, впрочем, опасалась куда меньше Зямы: возможности у него не те, мы с ним в одинаковом положении.

В доме у меня переполох, суета. Куда бежать от Серебрянского, где прятаться? Пока судили-рядили, пришла знакомая девушка, бывшая студентка юридического факультета, проходившая когда-то у меня практику. Отозвала меня в сторону. «Я к вам, Анна Семёновна, от Серебрянского. Просил передать — он ни в коем случае не злоупотребит своей властью, а если у вас возникнет нужда, чтобы дали ему знать, он поможет, так как он советский человек и не собирается мстить».

Вот как обернулось.

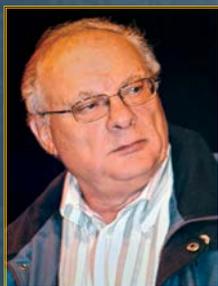
Уже позже узнала: Зяма установил связь с подпольщиками гетто, помогал партизанам, передавал в отряды одежду и ору-

жие. Он подсказывал людям, когда ожидаются «акции», так что многие успевали спрятаться. А злобный вид был не более чем маска.

А вот от Монисова натерпелась... Шастал по домам, вынюхивал, всюду разыскивал меня. Каждую ночь вынуждена была скрываться в новом месте. Потом донёс в СД. Пришёл запрос в юденрат: где находится Мачиз? Доставить её в гестапо. Покопались в картотеке и ответили: «В списках не значится». Дело в том, что я при регистрации в юденрате записалась девичьей фамилией.

Что было дальше? А дальше Монисов попал в облаву и погиб. И я перестала прятаться.

Такое оно, гетто. Одни и под страхом смерти остаются порядочными, другие на краю гибели пытаются счёты свести. Общая беда, конечно, сплачивает, но она же и разъединяет — правде надо смотреть в глаза. Кое-кто только о своей шкуре начинает заботиться, низкие инстинкты вылезают наружу...

Давид Гай — известный российский и американский журналист и писатель. Около тридцати лет проработал в газете «Вечерняя Москва». В 1993 году эмигрировал в США. Живет и работает в Нью-Йорке. Он был главным редактором русско-американских еженедельников; в настоящее время — главный редактор международного литературного журнала «Времена». Регулярно выступает на русско-американском телеканале RTN в программе «Пресс-клуб».

Д. Гай — автор около сорока художественных и документальных книг, некоторые были признаны бестселлерами.

Документальная повесть «Десятый круг» рассказывает о жизни, борьбе и гибели Минского гетто — одного из крупнейших на территории Советского Союза и Европы в годы Второй мировой войны. Новое, дополненное издание книги, впервые опубликованной почти 35 лет назад, звучит сегодня ещё более актуально, чем тогда, в 1991-м. Мир меняется в худшую сторону, фашизм даёт всходы, и евреи это чувствуют сильнее других. Забвение Холокоста и его уроков новыми поколениями, антисемитизм во всех проявлениях, резко усилившийся после израильской трагедии 7 октября — такова сегодняшняя реальность.

Книга вобрала в себя голоса тех, кому выпала доля в минувшую войну пережить гетто. Пережить в прямом и переносном смысле. Уникальность книги в том, что в ней подробно рассказывается о том, как Минское гетто жило, боролось, как действовало подполье, как сотни узников уходили в белорусские леса и пополняли партизанские отряды.

Единственное, над чем не властно время, — память. В этой повести память о гетто расщепилась на многие десятки человеческих свидетельств — прямых, бесхитростных и страшных. В гетто, как и в концлагерях, нацисты стремились довести людей до такого состояния, чтобы они едва могли различать добро и зло. Человек, по их замыслу, превращался в животное, душа его должна была почти утратить способность проявлять нормальные чувства. Но и в такой ситуации многие оставались людьми, доказывая величие человеческого духа.

Рассказы узников минского гетто о проявлениях этого духа наиболее дороги. Память-скорбь, память-надежда, память-предостережение — вот чем наполнена повесть, которая, автор верит, будет воспринята читательским сердцем.

www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com

ISBN 978-1-960533-82-1

9 781960 533821